

Н. С. РОЗОВ

ТРИ НАПРАВЛЕНИЯ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ. РОССИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ

§ 1. РОССИЯ И МИР

Бурные события сегодняшней России — реформы и контрреформы, сопровождаемые общественными и политическими потрясениями, — захватили не только наши жизни, но и наши мысли. Социально-философские, публицистические или житейские размышления одинаково суживаются, мельчают, приобретая тревожные признаки размежевания по силовым линиям политико-идеологической конъюнктуры.

Новый распад политических сил, всеобщая растерянность заставляют хотя бы мысленно вынырнуть из захватившего нас потока событий и попытаться представить наше движение в глобальной, исторической перспективе. Россия, конечно же, идет своим путем, но нельзя не принимать во внимание наиболее острые и тревожные проблемы современного мира, системные мегатенденции мирового развития.

Каковы же главные направления, векторы, определяющие развитие современной цивилизации? Из существующего множества тенденций (и их конфигураций) в развитии обществ, культур, мировоззрений можно выделить три — основанием для их выделения служат так называемые круги положительной обратной связи составляющих их тенденций.

Мегатенденция I. Инерция техноэкономического роста и глобальная политико-культурная вестернизация:

– рост антропогенной нагрузки на природу и возрастание пропорциональной обратной нагрузки на условия человеческого существования;

– увеличение экспорта антропогенной нагрузки из богатых стран в бедные страны, соответствующий рост экологической конфронтации в международных отношениях;

– мировая экономическая интеграция, захват ключевых позиций западными странами и компаниями;

- ассимиляция, растворение культурного своеобразия «в едином котле» массовой культуры;
- ориентация на материальный успех и высокий уровень потребления, социальная и международная напряженность, вызванная объективной неспособностью слаборазвитых стран обеспечить высокий уровень потребления, характерный для современных развитых стран;
- развлекательная направленность большинства культурных институтов и средств массовой информации;
- распространение либерального, прогрессистского и прагматического мировоззрения.

Мегатенденция II. Изоляционизм и репрессии внутри «закрытых обществ»:

- развитие международной системы экологической защиты среды посредством локальных национальных систем тех стран, которые достаточно богаты, для того чтобы себе это позволить;
- политико-культурное отчуждение в международных отношениях;
- политическое сдерживание международной экономической интеграции;
- сращивание интересов верхушек закрытых репрессивных обществ с интересами западных компаний и развитых стран;
- рост религиозного и национального фундаментализма, «оборонного сознания» и идеологий, характерных для «закрытого общества»;
- увеличение разрыва между уровнями технологического, социально-экономического, политико-правового развития стран и регионов;
- усиление иррационализма в социальной и философской мысли.

Мегатенденция III. Техноэкономическая переориентация и многополюсное партнерство:

- переориентация социальных функций производства — от роста производства и получения прибыли любым путем к устойчивому развитию — построение социотехноприродных

симбиозов (равновесных и безотходных циклов производственных и природных процессов, обеспечивающих стабильность условий человеческого существования для нынешнего и последующих поколений);

- развертывание глобальных международных экологических программ;

- формирование, целенаправленное развитие и саморазвитие новых полюсов политико-культурного и техноэкономического влияния за пределами нынешних полюсов — США—Канада, Западная Европа, Япония;

- мировая экономическая интеграция, сохранение культурной и политико-экономической специфики регионов, связанных с соответствующими равноправными полюсами влияния;

- распространение ценностного сознания как рациональной платформы коммуникаций разнообразных мировоззрений при защите общезначимых ценностей — жизни, здоровья, неприкосновенности личности.

В настоящее время можно говорить о том, что экономически, политически, социально подкреплены только Мегатенденции I и II. Мегатенденция III существует большей частью в книгах, статьях, головах интеллектуальной элиты некоторых стран. Основные политические, военно-стратегические, инвестиционные решения до сих пор определяются стремлением к овладению новыми рынками и источниками сырья (Мегатенденция I) или стремлением к защите от внешней экспансии или веяний времени (Мегатенденция II).

И не следует надеяться на то, что идеи партнерства, многополюсности и устойчивого развития обретут популярность под воздействием «здорового смысла». Слишком мощные тенденции им противостоят: с одной стороны, — к неограниченной свободе, и экономической власти, комфорту, новым товарам и услугам как знакам социального престижа (Мегатенденция I), с другой — к сохранению своей национально-культурной идентичности любой ценой, даже ценой национальной замкнутости и внутренних репрессий (Мегатенденция II).

Идейная, интеллектуальная Мегатенденция III всегда будет находиться между Мегатенденциями I и II, между этими цивилизационными «молотом и наковальней».

Либертарианский путь с неограниченной экономической свободой частных собственников, соответствующий Мегатенденции I, очевидно, не решает рассматриваемую цивилизационную проблему.

В этом смысле весьма показательна позиция Соединенных Штатов Америки, являющихся сегодня признанным политическим лидером либертарианской и прогрессистской экономики — главного мотора Мегатенденции I, на форуме в Рио-де-Жанейро (1992 г.).

Отказ США подписать Конвенцию по биотехнологии был связан с тем, что правительство страны даже при желании не могло бы заставить американские компании соблюдать требования Конвенции, поскольку это нарушило бы принцип частной собственности.

Отсюда некоторые авторы делают вывод: частная собственность встала на пути прогрессивного движения человечества к устойчивому развитию. Следовательно, от частной собственности необходимо отказаться, причем в глобальном масштабе. Более того, в последнее время стали громче звучать голоса о необходимости создания «мирового правительства», которое бы по-отечески руководило странами и народами, целенаправленно и планомерно решало бы все нынешние и будущие глобальные проблемы. Ясно, что для такого сверхправительства с его великой исторической миссией принцип частной собственности не должен служить препятствием.

Что касается России, то верные приверженцы ее социалистического развития предлагают восстановить социализм, а возрождающуюся частную собственность уничтожить как «исторически отжившую», как препятствие на пути к устойчивому развитию. Таков российский вариант Мегатенденции II.

Каково же альтернативное решение? Какой путь соответствует Мегатенденции III? Мне представляется следующий:

— сохранение частной собственности (а в России ее возрождение и развитие) как основы независимости индивидов и сообществ от государства, как основы свободной, конкурентной и эффективной экономики;

— установление новых международных правовых рамок пользования этой собственностью, адекватных требованиям современной эпохи и общезначимым гуманистическим ценностям.

Какие меры могут способствовать требуемой глобальной переориентации техноэкономического развития? Создание новых международных экономических, правовых норм, нового налогообложения. Основные правовые и экономические подходы известны: в частности, планомерное, постепенное повышение налогов (с учетом технологического развития) на экологически пагубную производственную деятельность, параллельное инвестирование, льготное кредитование, даже освобождение от налогов альтернативной, экологически чистой производственной деятельности.

Возьмем для примера проблему сохранения и восстановления лесов. Как известно, в мире, особенно в Южной Америке и Сибири, лесные пространства сокращаются со скоростью, которая не может не тревожить. Все призывы экологов к спасению «легких планеты» игнорируются: экономический локомотив вырубки и продажи лесов не сходит с рельсов. Есть мощности, есть спрос, есть иностранные кредиты, требующие выплаты, есть нужда бедных государств в постоянном притоке валюты. Любые запреты практически не имеют смысла — продажа леса уходит в сферу «теневой экономики».

Единственный, хотя и крайне трудно осуществимый путь — международное соглашение о ежегодном повышении налогов на крупные сделки по продаже леса, а также создание институтов международной экологической полиции и суда для контроля и разрешения конфликтных ситуаций. Параллельно на глобальном и национальном уровнях должна вестись инвестиционная и кредитная политика, направленная на развитие технологий экологически чистого производства синтетических материалов, заме-

няющих дерево или минимизирующих его потребление, на осуществление лесовосстановительных программ. В результате цена на древесину должна будет ежегодно повышаться, а на ее заменители — понижаться. Постепенный переход к новым технологиям позволит без шоков и потрясений сократить одни мощности (к примеру российских леспромпров) и нарастить другие.

Еще один аспект этой глобальной проблемы.

Сегодня не принято говорить о неокOLONIALИЗМЕ, но из истории его не выбросить. Речь идет о таких формах международного экономического «партнерства», результаты которого имеют разнонаправленный экономический, экологический и социальный эффект для стран-«партнеров». Например:

— «богатый партнер» (страна, транснациональная компания) консервирует свои месторождения и закупает энергоносители, металл и прочее у «бедного партнера»; в результате этой свободной законной партнерской сделки недра «богатой страны» сохраняются для будущих поколений, недра «бедной страны» истощаются с нарастающей скоростью — налицо прямое ограбление последующих поколений, — средства же, полученные от продажи сырья, идут на погашение текущих долгов, на элементарное поддержание жизни населения, часть средств забирает коррумпированная элита;

— «богатый партнер» на территории «бедного партнера» организует экологически вредное (химическое) производство и/или утилизирует вредные отходы производства. Здесь пояснений не требуется;

— «богатый партнер» внедряет свою банковскую систему на территории «бедного партнера», чья только зарождающаяся банковская система не выдерживает конкуренции и сходит на нет; в результате все управление финансами попадает в руки «богатого партнера». Комментарии тоже излишни;

— «богатый партнер» продает оружие «бедному партнеру» (как правило, в долг или в обмен на доступ к дешевым природным ресурсам); в результате «богатая страна» развивается технологически, обеспечивает занятость населения, «бедная стра-

на» — сохраняет военно-политическую напряженность, прорывающуюся вооруженными конфликтами, и власть национальных военно-политических элит.

Обратим внимание на то, что практически все названные и многие другие формы постколониализма вполне соответствуют современному международному праву: все происходит согласно свободным договорам свободных партнеров. Однако глобальное развитие ситуации не может не тревожить.

Цивилизованное решение данной проблемы — это введение новых форм международного права и налогообложения, которые бы сделали подобного рода договоры *невыгодными* для экономических элит.

Неравноправные сделки между партнерами, примеры которых приводились выше, должны быть поставлены под контроль международного права и международной полиции. Средства, получаемые от ежегодно повышающихся налогов на доходы от таких сделок, а также из иных источников, должны быть сосредоточены в международных фондах, организациях типа ФАО и должны направляться на развитие беднейших стран, в частности, на приобретение для этих стран современных биотехнологий, создание инфраструктур и т.д. Это, с одной стороны.

С другой — когда будет сужен доступ богатых стран к дешевым (чужим) ресурсам, большее внимание будет обращено на разработку новых ресурсосберегающих технологий, другие резервы. Иными словами — через новые правовые нормы и налоги — к техноэкономической переориентации и равноправным формам геополитического взаимодействия.

Возможно ли практическое осуществление такого рода предложений в современной мировой ситуации? Здесь следует признать, что в ближайшее время такой возможности нет. Дело в том, что главные рычаги политической и экономической власти принадлежат силам, которые заинтересованы в сохранении нынешнего геополитического и геоэкономического неравноправия. Что же это за силы?

Они известны — «большая семерка», международные банковские корпорации и транснациональные компании. Новые правовые ограничения и налоги, о которых говорилось выше, негативно скажутся на прибыли нынешней экономической элиты, кроме того, на экономическом положении большей части населения богатых стран, а ведь это электорат для политической элиты современного мира, для членов той же «большой семерки». Таким образом, пусть даже привлекательная и многообещающая модель глобального устойчивого развития (Мегатенденции III) не может быть осуществлена немедленно (или вообще осуществлена). Что же делать в такой ситуации?

В начале и середине XIX в., когда еще не сложились исторические предпосылки для формирования социально ориентированных законов о труде и социальной защите нетрудоспособных, какое направление деятельности было бы наиболее перспективным с точки зрения решения этих проблем? На мой взгляд, создание идейной, правовой базы, новых экономических механизмов. Пусть эта деятельность была бы возможна только «на бумаге». Но при проявлении исторических предпосылок (в частности, событий, происходящих в России после революции 1917 года) идеи для ставших теперь необходимыми и возможными реформ, правовых и экономических программ были уже сформулированы.

Итак, идейная и политическая деятельность на международной арене, направленная на переориентацию геополитики, технoэкономический рост, на переход к устойчивому развитию должна быть активизирована (Мегатенденция III). По сути дела, этим и занимаются Римский клуб, многочисленные организации-последователи, международное интеллектуальное сообщество. Конференция в Рио-де-Жанейро была важной и показательной вехой на этом пути.

Следует отдавать себе отчет в том, что инерция нынешнего направления глобального развития (доминантной Мегатенденции I) не может не вести к жестоким потрясениям. Что сыграет роль детонатора этих потрясений — покажет время.

Впереди могут ожидать новые экологические катастрофы, эпидемии в перенаселенных регионах мира, неуправляемая миграция из стран Азии и Африки, новые периферийные войны, социальные взрывы, установление национальных милитаристских диктатур и геноцид в политически неустойчивых странах (кстати, в том числе и в России).

Движение цивилизации по пути Мегатенденции I в сущности своей означает тупиковый путь развития. Для интеллектуалов это было очевидно, начиная с 70-х годов. Когда это станет очевидным и для политических, экономических элит современного мира, встанет уже практический вопрос о путях выхода из тупика. Если мировое интеллектуальное сообщество успеет к этому времени подготовить достаточную идейную и международную правовую базу для мировой постепенной, скоординированной переориентации на глобальное устойчивое развитие (Мегатенденция III), сформировать новое поколение элиты и электората, то появится шанс на гуманный выход из цивилизационного кризиса.

В противном случае, как мне представляется, неминуемо соскальзывание на изоляционизм (Мегатенденция II) в глобальном масштабе, когда все силы будут направлены на возведение стен вокруг островков благополучия иди неблагополучия и на военное подавление агрессивных всплесков внутреннего хаоса.

Итак, не питая иллюзий относительно благосклонного принятия миром идей Мегатенденции III и быстрой их реализации следует заняться международной консолидацией интеллектуальных сил, вести проектную, исследовательскую и просветительскую работу по подготовке будущих глобальных реформ.

Это шаг в направлении Мегатенденции III — вступление на искомый *третий путь* развития человеческой цивилизации.

Какие же возможности имеет Россия в контексте приведенных рассуждений?

Первый путь можно условно назвать либертарианским, нто означает прежде всего максимальную экономическую свободу, практически не ограниченную правом. В основе такого выбора

— свободная продажа земли, заводов, ископаемых и т.д. В результате серии свободных продаж-перепродаж эти государственные или общенародные, или ничьи богатства найдут своих «настоящих хозяев», заработает «невидимая рука рынка» и приведет Россию к изобилию.

Заметим, что за последние два года эта крайняя позиция в основном растеряла своих приверженцев. Тем не менее, она по-прежнему служит главным аргументом для тех, кто выступает против «распродажи России» и превращения ее в колонию, в сырьевой придаток Запада.

Есть ли реальные основания для такого рода опасений? Следует признать, что есть. До сих пор единственными проектами в России, которые действительно соглашаются финансировать международные банковские круги, являются проекты развития нефте- и газодобывающей промышленности, что и отводит России роль дешевой сырьевой базы. Если сопоставить эти геополитические и экономические явления с массивированной американизацией кино- и телеэкранов, с «озападниванием» нового поколения государственной элиты и предпринимателей, с их трогательной страстью к иномаркам и отдыху на Канарских островах, ориентацией на Запад не только научной молодежи, студенчества, но и школьников, то предстает довольно полная картина включения России в широкое и мощное русло Мегатенденции I.

На мой взгляд, никто из здравомыслящих россиян, в том числе и крайних западников, не согласится с перспективой политико-культурной ассимиляции России Западом и превращения России в пассивного поставщика сырья и дешевой рабочей силы. Встает вопрос об альтернативе.

Возврат России к плановой экономике и «закрытому обществу»? Эта социально-политическая, экономическая и культурная доктрина известна:

— восстановить государственную собственность на средства производства;

— запретить продажу земли и недвижимости;

- прекратить перепродажу на российском рынке западных товаров, ведущую к обогащению спекулянтов;
- свернуть конверсию и вновь начать ковать щит Родины;
- остановить утечку мозгов на Запад, интервенцию западной культуры, восстановить в школах и вузах единую патриотически-государственную идеологию, возможно с опорой на православие и т.д. и т.п.

Таким образом, перед нами — российская версия Мегатенденции II («Изоляционизм и внутренние репрессии»). Изоляция — да, но причем здесь репрессии? Дело в том, что джинна из бутылки уже выпустили, за последние годы слишком укрепились новые политические и экономические силы, чтобы сдаться без боя, поэтому без широкомасштабных репрессий эта альтернатива невозможна.

Свертывание реформ и явное «поправение» экономической политики явились бы отказом от либертарианского монетаризма (Мегатенденция I), переходом к безответственному социалистическому хозяйствованию, где в роли компраторов — элита полугосударственных финансово-промышленных монстров (Мегатенденция II).

Вообще говоря, критика идеалов централизованной государственной экономики, закрытого от пагубных внешних влияний общества, известна, даже слишком. Распростившись с этими идеалами и окунувшись в пучину инфляции и бедности, простой советский человек почувствовал оскомину от этой критики, а многие вновь не прочь вернуться в социализм, знакомый, надежно огороженный и с гарантированной государственной пайкой.

Поэтому сосредоточимся лучше не на критике, а на сегодняшних проблемах и возможностях позитивного перелома в социально-экономическом, политико-правовом и духовном развитии современной России.

Каков третий путь для России? Можно много говорить о несовершенстве политики, права, о коррупции, небывалом росте организованной преступности, экологических бедствиях. Но ко-

гда часть населения живет в бедности, а то и в безнадежной нищете, когда смертность растет, а рождаемость падает становится ясно: ключевыми для России по-прежнему остаются социально-экономические проблемы.

С этой точки зрения падение производства, бюджетный дефицит, инфляция, безработица, бедность, которые сегодня, надо думать, волнуют правительство, ученых-экономистов и общественность, являются пусть важными, но все же проблемами-следствиями. Каковы же сущностные, кардинальные проблемы, решение которых станет фундаментом для решения остальных социально-экономических проблем?

Решение кардинальных проблем должно поставить российскую экономику на новый путь развития — создания эффективных, гуманистических и экологически ориентированных моделей.

§ 2. ВОЗМОЖНА ЛИ СВОБОДНАЯ КОНКУРЕНТНАЯ ЭКОНОМИКА В РОССИИ?

Социально-экономическая система страны в течение десятков лет сохраняла относительную стабильность и даже видимость благополучия за счет той огромной разницы, которая существовала при социализме между внутренними и внешними ценами на энергоносители и природное сырье. Проблема выплаты заработной платы и пособий трудоспособному населению, почти поголовно имевшему статус государственных служащих, решалась в основном за счет все той же разницы цен.

Большая часть населения России и сегодня экономически полностью зависит от централизованного государственного бюджета. Однако освобождение цен, устранение монополий на внешнюю торговлю, сближение внутренних и мировых цен на сырье и энергоносители привело к резкому падению уровня жизни подавляющего числа россиян, любые попытки затормозить это падение посредством фиксирования цен, повышения зарплаты и выплаты пособий из централизованного бюджета неминуемо ведут к росту инфляции.

Казалось бы, акционирование и разгосударствление предприятий идут полным ходом. Но что происходит, когда новоявленные «фирмы», «концерны», «акционерные общества» (многие из которых — по сути дела, бывшие главки) начинают испытывать экономические трудности? Нет, они не снижают цены на свою продукцию, не продают оборудование, не сдают в аренду простаивающие мощности, не проводят реорганизации или сокращения кадров. Все это лишнее, ибо банкротство, выплаты долгов и неустоек по суду (основные формы реальной экономической ответственности) им фактически не грозят. Активность проявляется главным образом в одном старом, испытанном направлении: требования — от центрального правительства — погашения долгов (или взаимозачета), предоставления новых кредитов.

Почему же центру, задыхающемуся теперь уже от полугосударственной экономики, не сбросить с себя это тяжкое ярмо? Почему не провести действительно радикальное разгосударствление? На самом верху реформаторской команды такого рода стремления были, но реальные интересы чиновничества не позволили им воплотиться в жизнь. Оказалось, ноша не тянет, когда она *своя*.

Кредиты «для поддержания отечественной экономики» проходят через руки многих чиновников и банкиров (кто же откажется от такого золотого дождя?) и попадают в руки директорского корпуса, теперь уже некому указывать, как их расходовать. Деньги, как правило, идут не на техническое перевооружение предприятия, повышение его конкурентоспособности, а на покупку валюты, примитивную спекуляцию, миллионные оклады директорского корпуса, «допущенных к столу» (Искандер), на подачки рабочим — чтобы не волновались и не мешали.

Рабочих, принимающих эти подачки, понять можно, ведь их рассуждения просты: «Пусть наш завод в «свободное плавание», непонятно, чем это обернется, слишком тревожной станет жизнь. А вдруг нашу продукцию покупать не будут и мы обанкротимся? Нет, уж лучше оставаться при родном государстве.

Начальство съездит в Москву, поднажмет, мы «бастанем», если надо, глядишь — и выкрутимся».

Каковы же условия, необходимые для формирования независимой от государства, социально ориентированной конкурентной экономики?

Эти условия общеизвестны: наличие свободных капиталов, свободной рабочей силы с требуемой квалификацией, людей, готовых стать независимыми предпринимателями, надежных правовых гарантий частной собственности, свободы распоряжаться прибылью, оптимального уровня налогов.

Таких условий в сегодняшней России практически нет. Более того, экономически независимому субъекту нужны производственные мощности, здания, а значит — земля. Грош цена независимости того предприятия, которое стоит не на собственной, а на арендованной земле. Слишком хорошо известны повадки отечественных арендодателей — местных органов власти, все тех же чиновников. Кто же будет вкладывать деньги в строительство, производство, развитие, имея перспективу быть задушенным налогами и издоимством? Итак, пока земля в России полностью контролируется центральными и местными бюрократиями, никакое развитие свободной производительной экономики в ней невозможно.

В то же время богатые люди в стране уже появились. Какова же судьба потенциального частного капитала? Возьмем, например, законы о наследовании, написанные, между прочим, не только из соображений пополнения государственной казны, но и с учетом принципов социальной справедливости. По этим законам капиталы неминуемо устремятся по двум руслам: молодые и беспечные бизнесмены будут тратить деньги на иномарки, предметы роскоши, заморские турне; люди, скажем так, постарше и посерьезнее будут вкладывать их в зарубежные банки, виллы за рубежом, причем не только для получения процентов или ради красивой жизни, но и для передачи имущества по наследству. Как видим, жизнь берет свое, и столь необходимые для России капиталы уходят. Россия так и не стала местом вло-

жения средств, стабильного жизненного обустройства, она все еще остается местом, где можно быстро взять барыш и бежать.

Как же подступить к решению этих кардинальных проблем, сложность которых состоит еще и в том, что по отдельности они не решаются, но и разом — за год, за три — их тоже не решить?

Опыт исторического развития подсказывает следующий выход: создание условий для возникновения и развития новых социально-экономических механизмов, которые, с одной стороны, решали бы кардинальные проблемы, с другой — способны были бы существовать наряду со старыми механизмами и постепенно, ненасильственно, ассимилировать их в силу своей большей цивилизационной эффективности.

Новые социально-экономические механизмы, требуемые для решения поставленных проблем, в принципе известны: это независимые от государства экономические субъекты (например промышленные предприятия) с индивидуальной или корпоративной собственностью. Расширяясь, они будут предоставлять все большее число рабочих мест и в конце концов освободят государственный бюджет от непосильного груза.

Разумеется, этот рост возможен лишь при условии правовой защиты собственности (включая землю, недвижимость, производственные фонды, отечественный и иностранный капитал) от возможных попыток какого-либо ее ущемления или экспроприации при изменении политической конъюнктуры, а также правового обеспечения рынка земли, недвижимости, фондов.

Как же выжить и начать развиваться новым независимым экономическим субъектам в море полугосударственной экономики, накрепко спаянной с центральной и местными политическими элитами, мафиозными структурами? Здесь без широкой общественной поддержки и проводимой под контролем общественности последовательной протекционистской государственной политики не обойтись. Какова может быть суть этой политики?

Необходимо ежегодное сокращение государственных ассигнований и бюджетных предприятий, ужесточение финансовых

условий пользования ими землей и фондами. Более того, постепенное включение в конкурентную среду военно-промышленного комплекса, средств массовой информации, связи и транспорта, — надо перестать, наконец, считать их «священными коровами» социализма.

Исключением должны стать образование, медицина, культура, наука как сферы в принципе неприбыльные, но даже и их в дальнейшем нужно будет частично переключить на внебюджетные источники финансирования: местное и муниципальное финансирование, страховые компании, частные фонды, системы попечительства и т.д.

Многолетняя последовательная государственная стратегия должна будет позволить создать сеть бирж труда и центров переквалификации рабочих и служащих — социальных амортизаторов для неизбежных выплесков свободной рабочей силы. Закон о банкротстве — предусмотреть надежную защиту рядовых работников предприятия — меняются собственники и директора предприятий, а за большинством рабочих и служащих сохраняются их места.

Важным рычагом должны также стать антимонопольные законы и налоги. Чтобы избежать пресса этих законов, крупные предприятия-монополисты могут даже участвовать в строительстве, становлении новых независимых предприятий.

Вместе со старой партийной властью, партийным контролем исчез и «народный контроль», о котором вряд ли кто сожалеет. Вместе с тем, при существующей чехарде экономических законов, указов и постановлений, при неразберихе властных отношений деятельность руководителей полугосударственных предприятий оказалась практически бесконтрольной. Но ведь государственные кредиты и инвестиции эти предприятия получают из кармана налогоплательщиков. Таким образом, общество имеет право через своих парламентских представителей ввести ограничения на личные доходы руководителей и персонал предприятий. Например, можно законодательно установить верхние пределы оплаты труда руководителей, соотнести их с действу-

ющей ныне сеткой разрядов «бюджетников». Кроме того, установить более жесткую ответственность руководителей, вплоть до уголовной, за нецелевое расходование инвестиций (в частности, на зарплаты, премии, покупку валюты, спекулятивную коммерцию).

Но, как известно, в государственных контрольных службах работают все те же российские чиновники. При любых законах между хозяйственными органами государства и контрольными возникает взаимовыгодный симбиоз, поэтому необходима третья сила — общественные контрольные комиссии, в которые вошли бы местные депутаты, представители общественности. Основная цель этих комиссий — проверка соблюдения законодательных норм, установленных для предприятий, зависимых от государственного бюджета, защита денег налогоплательщиков.

Нетрудно предвидеть возмущение со стороны директорского корпуса: только освободились от мешавших работать партийных и «народных» соглядатаев, как ими грозят вновь.

Только *полная независимость* от государственной казны (льготных кредитов, субсидий, погашения долгов государством и т. п.) — жизнь и развитие с продажи собственной продукции, соблюдение законодательства о труде и экологии, выплата налогов избавят от вмешательства во внутренние дела всякого рода «народных» соглядатаев.

Совокупность такого рода факторов должна подтолкнуть руководителей предприятий и их коллективы к финансовой и административной эмансипации от государства, к ответственному хозяйствованию, ориентированному на рынок.

Достаточно очевидно положительное влияние конкурентной независимой экономики, имеющей правовые гарантии, на решение таких проблем, как заполнение российского рынка отечественными товарами, укрепление рубля и снижение темпов инфляции, возвращение российских капиталов из-за рубежа и приток иностранных капиталов, выбивание почвы из-под коррупции и теневой экономики, на решение других болезненных проблем.

Не очевидно другое: как сделать стратегию, направленную на превращение полугосударственных экономических субъектов в независимые, привлекательной для разных социальных слоев населения России, особенно для широкой общественности (электората центральной и местных властей) и государственных чиновников?

Принцип привлекательности какого-либо экономического курса для широких слоев населения весьма прост: этот курс должен отвечать актуальным жизненным интересам людей. Важнейшие экономические проблемы россиян появились не сегодня, они известны давно. Это, прежде всего, жилье (причем здесь сегодня следует делать ставку на благоустроенные собственные дома — коттеджи — и собственные квартиры, соответствующие мировым стандартам), затем продукты питания, ассортимент и доступность цен которых должно обеспечивать конкурентное отечественное производство, далее — одежда, предметы быта (мебель, домашняя техника и т.д.), автомобиль.

По сути дела, когда для большинства россиян будет доступен этот нехитрый набор жизненных благ, — не как государственное поощрение за послушание и не как награда из-за рубежа за выкачиваемые природные ресурсы, а за свой труд, позволяющий приобрести эти блага у отечественного независимого производителя, тогда можно будет говорить, что в России появились здоровая экономика, средний класс, а значит стабильность и шансы на процветание.

Итак, России, на мой взгляд, в первую очередь нужен «бум» жилищного строительства и пищевой промышленности. Возможно ли такое? Возможен ли вообще какой-то «бум» в отечественной экономике?

В последние годы страна переживает как минимум два «бума».

Первый из них невидимый — это теневой и полутеневой вывоз за рубеж энергоносителей, металла, леса и прочего сырья. Мировое лидерство Эстонии в экспорте редких металлов, ме-

сторожений которых никогда не было на ее территории, — тому подтверждение.

Второй «бум», напротив, протекает на глазах у каждого из нас — растущие, как грибы, коммерческие магазины, киоски, торгующие зарубежными алкогольными напитками, ширпотребом и продуктами питания. К этому буму относится и деятельность сотен тысяч «челноков».

Вывоз из страны природных ресурсов под вечную песню о том, что «отечественной промышленности нужна валюта», сегодняшними экономическими нуждами оправдать нельзя. «Ширпотребная спекуляция» имеет определенный положительный эффект: полки наполнились товарами, растет сектор независимой от государства экономики, формируется поколение независимых предпринимателей, собственников. Но по большому счету происходит экономическая поддержка не отечественной, а зарубежной (в первую очередь, западной, ближневосточной и китайской) экономики.

Почему же это происходит? Причина известна: капиталы и активность предпринимателей направляются туда, где существующие условия обеспечивают максимальную прибыль при минимальной опасности для капитала и имущества. Как же создать такие условия, чтобы капиталы и активность предпринимателя устремились на поддержку экономики собственной страны — в частности, на жилищное строительство и пищевую промышленность? Есть ли нужные для этого рычаги и средства?

Безусловно, есть. Чего в России много, так это пустующей земли, причем государственной, т.е. фактически ничьей. Местные власти могут ее продавать с жестким условием использования, например под жилищное строительство или комплексы с современными технологиями хранения и переработки сельскохозяйственной продукции, независимые предприятия пищевой промышленности.

Правительство и сегодня, по-видимому, по привычке, десятки миллиардов рублей направляет в ВПК, тяжелую и добывающую промышленность. Почему бы хоть раз не решиться на «по-

пулистский» шаг: вложить деньги в будущее жилье, в технологии, обеспечивающие производство высококачественных продуктов питания? Если давать кредиты не сразу, а поэтапно, отслеживая их расходование, то можно надеяться, что деньги не уйдут в песок, как это обычно бывает. Кроме того, появление собственников земли откроет еще одну возможность: получение кредитов под залог земли в коммерческих банках.

Ключом к «буму» жилищного строительства является ответственность на землю, перспектива стать частным домовладельцем, крупным собственником городской недвижимости. Будущие домовладельцы способны будут взять на себя и коммунальное обслуживание многоквартирных домов, облегчить тяжелую для государственной казны ношу. Квартиры в частных домах могут продаваться и сдаваться в аренду. При законах, защищающих права жильцов, последним не нужно будет бояться быть выброшенными на улицу частным арендодателем.

Нельзя сказать, что нынешнее правительство игнорирует первостепенные для общественных настроений проблемы жилья и продуктов питания. Есть новые решения и подходы, но в целом сохранились стереотипы старой советской централизованной затратной экономики, в частности триллионные проекты подъема агропромышленного комплекса и фермерских хозяйств.

Планы «поддержки фермерства» наводят на мысль об очередной афере гигантского масштаба: ведь сами фермеры деньги вряд ли получат. Скорее всего они пойдут на дотирование химических и машиностроительных монстров с тем, чтобы последние снизили цены на удобрения и технику. Слишком хорошо известно, к каким потерям может привести такой подход, но какой подход лучше?

Следует, как мне кажется, начинать вообще с другого конца — добиться, насколько это возможно, рентабельности самого сельского хозяйства. Резкое сокращение поголовья скота — это не близорукость крестьян, а следствие сложившейся экономической ситуации. Низкие закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, в том числе на мясо, делают ее производство

убыточным. Но на прилавках магазинов мясопродукты отнюдь не дешевы. Розничные цены выше закупочных не в 2-3, а в 5 и более раз. Значит, именно здесь узкое место. Правительство должно создать условия для появления сотен, тысяч новых независимых посредников между селом и городом — цехов по производству колбас, сыров, масла, сметаны и других мясных и молочных продуктов, круп, макаронных изделий и т.д. Конкуренция — это не только снижение розничных цен, но и повышение цен закупочных — борьба за продавца — того же фермера.

Но как же быть сегодняшним фермерам и крестьянам? Собственность на землю позволила бы им получать в банках под залог земли самые льготные кредиты. Для фермера эти деньги — не даровая дотация, он не пустит их на ветер, он купит лишь ту технику, те удобрения, без которых ему не обойтись. Что касается машиностроительных монстров, то их продукция должна быть резко снижена в цене. Это тяжкий, но необходимый для них урок — пусть перепрофилируются: новому пахарю нужна малогабаритная и многофункциональная техника.

Как известно, сегодня независимые производители, практически все без исключения, задыхаются под бременем налогов. Последним во многом объясняется «теневилизация» экономики и утечка капитала за рубеж. Почему же в наиболее социально значимых сферах (жилье и питание) не освободить независимых производителей от налогов вообще, например, на ближайшие десять лет? Причем по истечении установленного срока можно законодательно закрепить повышение общегосударственного налогового уровня, — но не более чем на 5 % ежегодно.

Если решиться на такой шаг, то необходимо законодательно запретить властям вводить эти налоги раньше установленного срока — при любых сменах правительств, парламентов и президентов если в нешуточность этой меры поверят — можно надеяться на то, что не только российские капиталы вернуться в страну, но и начнется серьезный приток иностранных инвестиций.

Однако неизбежно возникает вопрос, зачем все эти гуманистические начинания сегодняшним, уже стоящим у кормила экономической власти реальным политикам и чиновникам?

О борьбе с бюрократизмом как-то уже давно не вспоминают, и это не случайно. Разрастание центрального чиновничьего аппарата идет невероятными темпами. Для демократов, как и для коммунистов, закон Паркинсона остается непреложным. Чем же грозит реальное освобождение экономики от государства для ключевых фигур в президентском, правительственном, парламентском и многочисленных министерских, комитетских аппаратах?

Функции централизованного «регулирования» отмирают или переходят к независимым финансово-промышленным структурам, следовательно, соответствующие секторы чиновничьей пирамиды оказываются не у дел, должны быть сокращены. Но это еще полбеды. Тот, кто уже занял кабинет и кресло, годами может доказывать свою нужность. Хуже другое — через «департамент» или «отдел» почти перестанут проходить *большие деньги*. Все это резко снизит статус и благополучие аппаратных деятелей, ставших невидимой, но непобедимой силой на пути реального разгосударствления экономики.

Чем определяется ранг государственного чиновника? Не величиною кабинета и даже не зарплатой, а числом подчиненных и размером денежных сумм, которыми чиновник вправе распоряжаться. Какую же роль играет сама деятельность чиновника и его аппарата, как она выражается, например, в показателях производства в отрасли? Рост производства трактуется как результат расширения аппарата, а снижение показателей — как сигнал необходимости резкого «повышения управляемости», т.е. увеличения штатов и сумм, проходящих через них кредитов.

В новой стратегии реформ должен быть заложен некий «противомеханизм» по отношению к этой «биологии» аппаратного роста. Нужно установить принципиально новые критерии внутренней административной и внешней общественной оценки деятельности руководящих кадров в аппаратах управления экономикой. Главным критерием должна стать эффективность управления, понимаемая как отношение (дробь) показателей деятельности всей отрасли (с непременно включением незави-

симых от государства экономических субъектов) к штатам, расходам на их содержание, общей сумме полученных отраслью государственных кредитов и иных бюджетных «вливаний».

Отраслевые показатели исчисляются десятками и нередко затуманивают суть дела. Но из них можно выделить два простейших: насыщенность рынка отечественными товарами данной отрасли, причем конкурентоспособными и более дешевыми, чем импортные, а также исправность выплаты долгов и налогов.

При этих условиях направленность деятельности аппарата должна быть примерно такова: малой командой и малыми денежными средствами создать условия для саморазвития свободных предприятий отрасли, которые были бы способны пополнять казну налогами, а не опустошать ее льготными кредитами и бюджетными вливаниями, чья продукция составила бы конкуренцию продукции импортной.

Но если речь идет о малой команде, то куда же денутся остальные чиновники? Ведь только в Москве чиновничья армия исчисляется не десятками, а сотнями тысяч, а во всей России — миллионами. Ясно, что на завод, в школу, в вуз этих людей уже не заманишь. Частные предприниматели из них тоже вряд ли получатся — другой стиль мышления и жизни. Сталкивать эту влиятельнейшую социальную группу в ряды «непримиримой оппозиции» недопустимо: это неминуемо приведет к новым политическим потрясениям. Как же решить эту социальную проблему?

По-видимому, речь должна идти о новых финансовых, биржевых, юридических, страховых и прочих структурах, создающих условия для саморазвития свободной экономики, прежде всего в сфере жилищного строительства, пищевой и легкой промышленности. На пустом месте эти структуры не возникнут, поэтому нужна специальная программа постепенного и неуклонного «отделения» от государства «избыточных частей» министерств, департаментов, комитетов, президентских структур и т.д. То же касается и раздутого аппарата управления экономикой в областях, краях и республиках. Иначе говоря, в сфере

народного хозяйства необходимо разгосударствление самого государства.

Если новая стратегия получит широкую общественную поддержку и правовое закрепление, то в этих «клещах» чиновникам придется по крайней мере сместить акценты в способах достижения и сохранения своего благополучия. Обогащаться ведь можно не только от подношений за предоставление льготных кредитов, лицензий, квот, но и за счет ключевых мест в новых независимых финансовых и промышленных структурах — российский спрос в этих сферах ненасыщаем.

Нельзя не осознавать, что при нынешней чехарде в органах власти, небывалом разгуле коррупции и росте теневых криминальных структур, неравновесии социальной среды говорить о многолетней последовательной политике разгосударствления абсурдно.

Да, практически никаких благоприятных факторов для такой политики нет, а неблагоприятных — более чем достаточно. Но лучше абсурдные проекты, чем малодушное смирение перед абсурдной действительностью. Опять же история учит, что самые абсурдные и сумасшедшие идеи типа древнегреческой «элеветрии» (свободы) или «демократии» (народовластия), родившись в мире деспотий, угнетения и рабства, иногда пробивали себе дорогу и если не преображали действительность, то по крайней мере существенно раздвигали границы мрака.

§ 3. ОБРАГИ И ГОРИЗОНТЫ

В предыдущем параграфе в самых общих чертах был представлен возможный выход России из затянувшегося социально-экономического кризиса. Речь шла об условиях саморазвития независимой от государства, свободной, конкурентной и эффективной экономики, о реальной возможности и необходимости бума жилищного строительства и бума пищевой промышленности, о механизмах, препятствующих аппаратному росту, о «разгосударствлении государства» в хозяйственной жизни страны.

Однако «гладко было на бумаге, но забыли про овраги». «Овраги» на пути к свободной российской экономике — это политико-правовое устройство, а также некоторые устойчивые стереотипы социального мышления, поведения и жизни в России — «российский менталитет». Представим и «горизонты»: далекие, быть может, утопические перспективы России со свободной экономикой и зажиточными гражданами, перспективы ее геополитической, культурной и нравственной роли в будущем мировом порядке.

Можно ли при нынешнем политико-правовом устройстве России реализовать изложенные в предыдущем параграфе социально-экономические предложения, предполагающие, в частности, надежную правовую защиту собственности, защиту ростков свободной российской экономики? Нет, нельзя.

Пусть этот тезис осудят историки, но неизменный архетип русской и российской власти восходит, на мой взгляд, к тем временам, когда князья получали ярлыки от Золотой орды, дававшие им право вместо баскаков собирать дань со своего народа. Русская власть подавляла и даже истребляла непокорных русских единоверцев с не меньшей жестокостью, чем это делали монголы. Много воды утекло с тех пор, много форм русской и российской власти переменилось. Но трещина отчуждения и взаимной безответственности между властью и народом, как мы видим, не затянулась до сих пор.

В России во все времена, на всех уровнях главенствовала власть, а не право. По этому признаку Россия всегда была ближе к Азии, чем к Европе, ближе к Востоку, чем к Западу.

Но в Японии, на Тайване, в Сингапуре, даже в Китае последних лет достигнуты большие успехи в экономическом развитии. Так ли уж жестко связаны с процветанием европейские принципы права и свободной от государства экономики? Действительно, жесткой связи нет. Но японская, китайская власть и государственность коренным образом отличаются от российской. Там имеет место патернализм и корпоративность — реальная забота верхов о низах, чувство фирмы и даже всей нации

как единой семьи, подчеркиваю, реальное чувство, выраженное в реальной деятельности и экономической политике, а не демагогическое пустословие.

Российскую власть почти всегда характеризовала отчужденная безответственность по отношению к чаяниям народа, непримиримая ревность к благополучию, независимости и влиянию, если они приобретены без причастности к власти. Власть была безжалостна не только к «смердам», «черным» и «подлым» людям. Расправы над боярами, над вольными торговыми городами, экспроприация части купеческих капиталов в царскую казну, изгнание большевиками «капиталистов», уничтожение нэпа и «кулаков» имеют в этом смысле один корень.

Не верю я в волшебное преображение российской власти. Какие бы демократы ею ни овладевали, оскал вековых привычек не исчезнет. Власть в нашей стране может ограничить и сделать ответственной *только право*, когда оно получит реальную независимость и широкую общественную поддержку.

Российская власть разного уровня, в руках которой сегодня остается вся земля с ее богатствами, почти вся промышленность и нити жизнеобеспечения подавляющего большинства населения, уже многое сделала для улучшения независимых экономических сил (кооператоров, фермеров, частных предпринимателей), нового их подъема власти не потерпят. Как же защитить ростки независимой конкурентной экономики?

Как бы ни сложилась дальнейшая судьба Конституции, принятой в декабре 1993 г., ее сахаровская по замыслу и духу глава о правах личности призвана служить надежной защитой граждан от неизбежных в России посягательств государственной власти. В то же время отсутствие приемлемых с точки зрения свободной экономики законов о земле, недрах, собственности на средства производства, собственности на недвижимость, о защите частных капиталовложений, наследовании и других законов того же ряда обусловило лапидарность и абстрактность конституционных статей, о защите экономических прав граждан.

Станем на минуту оптимистами и допустим, что наш парламент (если не нынешний, то будущий) дозреет до принятия такого рода законов. Что же может помешать при смене политической обстановки отменить эти законы или внести поправки, меняющие их суть? Сказанное выше об архетипе хищной и ревнивой российской власти позволяет быть уверенным, что попытки государства ущемить граждан в их экономических правах и свободах сами собой не прекратятся. Правовым барьером для этих посягательств должен стать документ, равный по своему статусу самой Конституции и столь же недоступный для конъюнктурных поправок.

Этот несуществующий пока документ условно можно назвать «Биллем об Экономических Правах», без такого рода дополнения к Основному Закону в России, смею утверждать, не будет ни свободной конкурентной экономики, ни зажиточного среднего класса, ни стабильности, ни процветания.

Билль «отнюдь не обязательно должен защищать только личную собственность, пусть он защищает также собственность сельскохозяйственных, индустриальных и иных коллективов (кооперативов, товариществ), важна гарантия экономических прав граждан и их сообществ

Совершенно иное отношение должно быть в документе к так называемой собственности самого государства: республик, краев, областей, районов, городов, министерств, госкомитетов, многочисленных академий. Есть несколько критериев реальной собственности, но я бы предложил поставить во главу угла два:

— использование, поддержание и воспроизводство предметов собственности собственник должен обеспечивать самостоятельно, без привлечения государственных субсидий «сверху» или государственных же налогов «снизу»;

— собственность неразрывно связана с экономической ответственностью, т. е. платой по имущественным искам, реальной возможностью банкротства.

Несложно показать, что этим критериям так называемые федеральная, республиканская, муниципальная, областная, мини-

стерская, академическая и иные «собственности» не отвечают. Руководство любой республики, области, мэрии или академии никогда не откажется от государственного финансирования «снизу» или «сверху», никогда не примет даже абстрактной перспективы банкротства. Значит, речь должна идти не о праве собственности, а лишь о праве распоряжения ею.

«Билль об Экономических Правах» должен также предусматривать и защищать эти права, но по другим критериям. Более того, главное внимание в документе должно быть обращено на защиту земли, недр, коммунальных объектов, средств налогоплательщиков от злоупотреблений чиновников-распорядителей. Иначе говоря, экономические права — это не только *права собственности*, но и *права* гласного общественного *контроля* над государственными органами, которым дано распоряжаться *не собственностью*.

Почему же россияне веками терпят чиновничий беспредел, и в то же время так ревниво относятся к «независимому» богатству (чтобы не сказать: ненавидят его)?

Есть убеждение, пожалуй, не слишком далекое от действительности, что в нынешней России честным трудом и честным бизнесом много денег не заработаешь. Значит, закрепление прав собственности — это легализация капитала, нажитого, к примеру, на распродаже леса, металлов, нефти, на теневых спекуляциях недвижимостью, а то и на наркобизнесе.

Защита собственности должна совмещаться с возможностью частного и общественного иска о незаконности приобретения этой собственности. В то же время мы должны смириться с принципом презумпции невиновности. Ведь если отказаться от него, то не преступники, а все мы станем беззащитными перед государством.

Кроме того, трепет перед властью и ненависть к «капиталистам» объясняются особенностями российского менталитета, и мы еще вернемся к этому вопросу.

Нынешние политические баталии — это отражение активных процессов дележа сфер влияния и контроля над российски-

ми богатствами. Каково может быть рациональное и принципиальное решение соответствующих проблем?

Первый шаг — переподчинить органы правопорядка (к примеру, тех самых милиционеров, которых в конечном счете используют для захвата конфликтного имущества) с тем, чтобы они выполняли указания не мэрии, не своего министерства, не правительства и даже не президента, а только постановления независимого суда, вынесенные в соответствии с законом после открытого судебного разбирательства.

Трудно сказать, сколько Россия будет ждать этой нехитрой реформы, но без нее дележ власти и российских богатств, дележ жестокий, нередко кровавый и, что самое печальное, возобновляющийся каждый раз при захвате власти новыми лицами и их командами, будет продолжаться.

Есть ли достаточная законодательная база, авторитет, независимость, профессиональные силы и квалификация у нынешней судебной власти для передачи ей столь ответственных функций? Скорее нет, но это не повод для откладывания реформы. Выносить судебные решения можно хотя бы по нынешним законам, по прецедентам, а также исходя из общих принципов Конституции, а в будущем — «Билля об Экономических Правах». Опыт, авторитет и сами законопроекты появятся в практике открытого и легального решения имущественных конфликтов.

Вместе с тем, возникает новая задача для России — воспроизводство юридических кадров, особенно в сфере экономики, финансов, налогов, прав собственности. После «победы демократии» все партшколы с их апартаментами плавно трансформировались в «кадровые центры», которые продолжают готовить чиновничью номенклатуру. Без чиновников не обойтись, спору нет. Но свободной и процветающей Россия станет только тогда, когда конфликты социальной жизни будут решаться не в кабинетах начальства, а в залах суда.

Еще недавно термины «правовое общество», «частная ответственность», «независимое предпринимательство» не сходили с

газетных страниц. Затем энтузиазм заметно угас. После выстрелов по зданию парламента и обескураживающих итогов декабрьских выборов 1993 г. само обсуждение перспектив «правового общества» в России может показаться наивным и прекраснодошным: какое же право может быть в этой стране?

Приходится признать, что для пессимизма есть основания, причем лежащие в самой глубине российского менталитета — неискоренимое презрение к праву, законам и «законникам».

«Ворон ворону глаза не выклюет», «Плетью обуха не перешибешь», «Закон, что дышло...» — эти пословицы хорошо известны, смысл их даже несколько стерся от частого употребления. В сборнике Владимира Даля «Пословицы русского народа» есть и другие пословицы, полузабытые; во многих из них — жестокий приговор не только нечистым на руку судьям, неправому суду¹, законам, но и самому принципу права и законности.

В действительности народное сознание амбивалентно. Известно, что в фольклоре любого народа почти на каждую пословицу найдется своя «противопословица». Что-то можно найти и у Даля о неподкупных судьях, нелिцеприятном суде и справедливых законах. Но таких пословиц, не в пример меньше, и выражают они скорее безнадежную тоску по несбыточному, чем почтение. В то же время почтение, уважение, смирение и страх выражаются по отношению к всемогущему Богу, самодержцу царю, а также почти ко всякой власти и силе. Кроме того, есть пословицы, само существование которых свидетельствует о бездне правового нигилизма в российском сознании: «Все бы законы потонули, да и судей бы перетопили», «Хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили». Эта вера в добрую «правду», в доброго нового Хозяина (барина или директора, царя, вождя, генсека или президента), который, наконец, станет доброй властью и установит добрый порядок (если надо, то потопив все крючкотворные законы), — вот стереотип, который во многом определяет наше мировоззрение и социальное поведение. Известно также, что правовой нигилизм подчиненных «ни-

зов» крайне удобен такому же нигилизму властвующих «верхов».

Универсум властных, а не правовых отношений в России, определяет и стереотипы отношения к крупной частной собственности, наемному труду «на капиталиста». Все мы были наемниками у государства. Начальство нами помыкало, но было и утешение: если пожаловаться «высшему» начальству (в партком, в газету и т.д. — до ЦК КПСС), то «сверху» могут и приструнить. Жаловались далеко не все, но мысль о том, что на каждого начальника есть своя управа в лице высшего начальника, как -то смиряла с действительностью.

Что же происходит, когда людям с такими убеждениями предлагают наниматься к независимым от государства «капиталистам»? Угроза помыкательства со стороны нового начальства — та же, а надежды на управу «сверху» — никакой. Вот реконструкция, упрощенная конечно, сегодняшнего массового настроения, на котором, в частности, играют коммунисты: «не хотим работать на капиталистов, хотим работать только на общее благо Родины, верните нам светлое социалистическое прошлое».

Наряду с гипертрофией власти и правовым нигилизмом для российского менталитета, особенно в широких слоях малообразованного населения, характерен довольно высокий уровень ксенофобии — недоверия и боязни иностранцев, что выражается, в частности, в известном явлении «оборонного сознания». Это сознание не раз позволяло русским мобилизовывать силы для отпора внешней военной агрессии, но медаль имеет и обратную сторону. Сегодня, когда видимой опасности военной агрессии нет, определенные силы используют «оборонное сознание» для внушения опасности «распродажи Родины» (привлечение в Россию иностранного капитала, введение купли-продажи земли и производственных фондов и т.д.).

Никто пока не торопится вкладывать капиталы в беспокойную, непредсказуемую Россию, но многие россияне уже заранее преисполнены враждебности. Почему? Неверие в то, что разум-

ными законами и налогами можно направить любые капиталы на процветание Родины, а не на ее распродажу, вот суть этого явления. А есть ли реальные основания для самого этого опасения?

Есть, и немалые. Любителей легкой наживы хватает везде. Приезжая в Россию, они не вкладывают капиталы в подъем производства, они поступают куда проще — подкупают чиновников местной власти и получают доступ к ценнейшим ресурсам. Так значит, это правда, что Россию грабят? Правда, но грабят ее российские чиновники. Грабит сама российская власть, презирающая закон и право еще больше, чем отчужденный от собственности российский народ.

Без коренного перелома стереотипов ксенофобии, правового нигилизма и неоправданных надежд на «справедливую», «народную» власть Россия опять может войти в свой исторический цикл: стагнация — развал — внешнеполитическое поражение — бунт — узурпация власти — подъем милитаризма — новая стагнация.

«Целенаправленные» переломы мировоззрения в России уже проводились, но обычно насильственным путем (Иваном Грозным, Петром I, Николаем I, большевиками, Сталиным). Возможна ли ненасильственная, цивилизованная трансформация российского менталитета? Как ни странно, такие исторические прецеденты тоже были: это огромное общественное влияние Новикова, а затем Карамзина, их проповедь человеколюбия и нравственности, это обновление социальных ориентиров в земском движении, духовное воздействие Льва Толстого на общественное сознание. В XX в. можно назвать влияние на общество идей шестидесятников, а затем правозащитников и диссидентов. Плодом перестройки стали неустрашимые уже из нашей жизни принципы гласности и свободы слова, многопартийности и реальной выборности властей. И все-таки вопрос остается: возможна ли вообще целенаправленная смена стереотипов и ценностей национального менталитета?

Это сложный специальный вопрос философии, культурологии, этики. Решение его в рамках направления «конструктивной аксиологии» состоит в том, чтобы через просвещение, общественные дискуссии, обсуждение программ и реформ и законопроектов изменять только внешние, частные, исторически тупиковые формы стереотипов, оставляя в неприкосновенности ценности менталитета и опираясь на них.

Рынок, конкуренция, право, защита частной собственности до сих пор остаются чуждыми «русской душе». Прямая пропаганда соответствующих идей дает скорее обратные результаты. Нужен иной путь — через ценности, внутренне, природно присущие российскому менталитету. Важнейшую из них сегодня подсказывает сама жизнь. В чем наиболее ущемлены россияне в результате событий последних лет? Не распад СССР, не исчезновение иллюзий о светлом будущем, даже не бедность. Попрано их *достоинство*. Именно ценность достоинства является сегодня ключом к российскому менталитету. Достоинство гражданина России — вот флаг для консолидации самых разных общественных и политических сил.

В последнее время нередко аналогии нынешней российской ситуации с ситуацией в Германии начала 30-х годов. Фашизм в Германии был следствием ее поражения в первой мировой войне и унижения достоинства немцев, это так. Но почему не вспомнить выход из ситуации тяжелейшего поражения во второй мировой войне и нравственное преодоление в Западной Германии этого тотального национального унижения?

Тогда на первое место были поставлены достоинство и права личности, с тех пор эти ценности закреплены в первом параграфе первой главы Конституции ФРГ, а теперь — всей Германии. Заметим, что вместо достоинства «великой арийской расы», которое требовало военной мощи и завоеваний, — достоинство *отдельной* личности, требующее обеспечения условий, при которых каждый человек своим честным трудом мог бы достичь благосостояния, реальной свободы и независимости, а значит и уважения со стороны окружающих. Немцы своего достигли: по-

следние десятилетия во всем мире их уважают не меньше, чем победителей: американцев, русских, англичан и французов. Разумеется, нынешнее процветание Германии, ее экономическое лидерство не могут быть объяснены только трансформацией немецкого менталитета, но задуматься есть над чем.

Россия также пережила тяжелое поражение в затяжной и бескровной «холодной войне». Между прочим, в последней российской Конституции, как бы ни сложилась ее дальнейшая судьба, уже в первых же строках документа есть немаловажный момент — закрепление человеческого достоинства как главной ценности. Теперь требуется глубинное переосмысление содержания этого понятия.

В разных сословиях и в разные исторические периоды достоинство в России понималось по-разному. Однако есть некий инвариант — это *причастность к власти*.

Подданные царской империи и советские граждане, в большинстве своем живя в тесноте и нищете, были преисполнены национальной гордости. Эта странная гордость проистекала из причастности к власти над огромными территориями («от моря и до моря», «одна шестая часть суши», «широка страна моя родная»), а также над многими народами и народностями.

Теперь территория существенно сократилась, многие народы стали суверенными, влияние на мировые события уменьшилось. Бедность и неустроенность жизни стало нечем компенсировать.

Итак, достоинство должно быть осмыслено как *независимость* личности от власти. Такое понимание отнюдь не чуждо российскому менталитету, доказательством могут служить следующие пословицы: «Вольность всего дороже», «Воля — свой Бог», «Белый свет на волю дан», «Живем не тужим, никому не служим».

Тут же придется указать и на примеры многочисленных «противопословиц»: «Своя воля — клад, да черти его стерегут», «Волк-то на воле, да и воет доводе», «Боле воли — хуже доля», «Неволя пьет медок, а воля — водицу». Противоречие есть, и у него есть серьезные исторические основания.

Вольные новгородские купцы гордились не причастностью к власти, а независимостью от нее. Боярская знатность («мы не царские холопы, мы сами Рюриковичи»), честь русского дворянина и офицера, казацкая вольница, жаждавшая свободы сибирского крестьянства, интеллектуальная оппозиция российской интеллигенции и земщины, правозащитного движения — вот исторические проявления достоинства как независимости от власти.

В то же время российская власть во всех своих формах с завидным постоянством расправлялась с непокорными. Вольный Новгород великие князья осаждали и грабили десятки раз, но всякий раз он поднимался, пока опричники Ивана IV не вырезали всех его жителей. Бояр истребляли семьями. Офицеров-декабристов повесили, сослали. До казаков руки не дотягивались, но их стали использовать в качестве жандармов. Как уже в советское время обходились с «троцкистами», «кулаками», «спецами», «право-левой оппозицией», «космополитами», а затем с инакомыслящими и правозащитниками, тоже хорошо известно.

В условиях правового нигилизма вольность, свобода могли выражаться только как бегство от власти или бунт против власти. Власть же светская, вместе с властью духовной (церковью, официальной идеологией), делали все, чтобы представить вольность как «своеволие», чтобы внушить понятие о свободе как «осознанной необходимости» подчиниться линии партии.

Достоинство же человека понималось весьма своеобразно.

Формулу достоинства дает русский «Домострой», являющийся не только значительным культурным памятником, но и одним из столпов традиционного русского нравственного и гражданского воспитания. Согласно «Домострою», достоинство (честь) человека определяется его способностью обустроить, содержать «дом» (семью, двор) и верно служить «господарю» (князю, царю, а в позднейших интерпретациях — Отечеству).

Формула вполне подходит и для нашего времени, если только ввести в нее необходимые уточнения.

Чтобы *самому* содержать семью (а не быть на пайке у государства), нужна защищенная правом собственность. Разумеется, материальные средства производства окажутся не у каждого в руках, но зато каждый человек должен быть уверен, что своими неотъемлемыми «средствами производства» — квалификацией и интеллектом — он может распоряжаться свободно по своему усмотрению. Гарантию же такой свободы дает только *конкуренция независимых работодателей*.

До тех пор пока подавляющее большинство работодателей — органы одного монополиста-государства, квалификацией, трудом, интеллектом человека будут пользоваться за бесценок — за «пайку» на выживание. Прикрытием этого грабежа во все времена служила компенсаторная гордость причастности к большой власти. Без множества независимых собственников-работодателей первая составляющая формулы достоинства «самому содержать свою семью» останется пустым звуком.

Подозрительно многосмысленной является фраза «служить Отечеству», опираясь на нее, российское государство всегда распоряжалось жизнью, свободой и «собственностью» своих граждан. В этом смысле государственное крепостничество, рекрутские наборы (фактически на всю жизнь и без спроса о желании), прикрепление крестьян к колхозам, а рабочих — к заводам, «разнарядки» на индустриальные стройки, целину, на Север, на БАМ и т.д. — все это явления одного порядка.

Кроме военного призыва (общеобязательный принцип которого стоит под вопросом), служба Отечеству — свободной, а не тоталитарной России — должна пониматься в двух главных смыслах: исправно платить государству налоги от доходов от своей профессиональной деятельности (это неперменный долг каждого); участвовать по мере сил (духовных, интеллектуальных, организационных или финансовых) в поддержке, развитии российской культуры, образования, медицины, науки — любых сфер, которые являются или должны стать предметом национальной гордости. Но это лишь по добровольному велению сердца!

Только при таких поправках следует приветствовать идущую от «Домостроя» формулу достоинства: содержать семью и служить Отечеству.

Откажется ли добровольно российское государство, даже самое «демократическое», от власти над жизнью, свободой, ответственностью, способностями своих граждан? Отрицательный ответ, как мне представляется, очевиден, если исходить из предыдущих рассуждений.

Сколько еще десятилетий или столетий должно пройти, чтобы россияне поняли простую вещь: достоинство личности в России, как и ее независимость от власти, будет попирается этой властью до тех пор, пока личность не оградит себя от власти надежными гарантиями неприкосновенности. Что же это за гарантии?

Во-первых, право, закон, суд. Когда вас притесняет начальство, местное чиновничество, не бегите к другому начальству, а обращайтесь в суд, если считаете себя правым по закону. Эта нехитрая максима уже начала входить в российскую жизнь. Нужно, чтобы она стала законом.

Во-вторых, неприкосновенность собственности, как корпоративной, так и индивидуальной. Невелика цена личной независимости, если все нажитое годами и по закону может быть в одночасье «экспроприровано» во имя «социальной справедливости» или «великих исторических задач».

В-третьих, такие известные принципы правого и открытого общества, которые особенно попираются в последнее время:

- принцип разделения властей, не дающий чиновникам править по сочиненным ими же для себя же самих законам;
- принцип полной независимости суда от исполнительной, законодательной, президентской и любой другой власти. Появление внутриаппаратных «судебных палат» нельзя назвать иначе, как открытым издевательством над самим принципом права;
- имущественная и административная независимость прессы, радио, телевидения как условие свободы и объективности журналиста.

Итак, переориентация российского менталитета имеет исторические основания, она возможна и необходима. Не «рынок», не «капитализм» и не «колбаса» являются российскими идеалами. Духовных и гражданских усилий, упорного труда требует *новое российское достоинство*:

- независимость личности от власти, возможность самому человеку быть ответственным за свою жизнь, обустроить жизнь в своем доме, в своем городе и поселке, на своей земле;

- надежная правовая защита личности и собственности, в том числе и от посягательств власти любого уровня;

- открытые пути для обеспечения благосостояния честным трудом и предприимчивостью;

- сокращение до минимума централизованных поборов, избавление трудоспособных граждан от позора централизованных подачек;

- радушие по отношению к чужеземцам, сотрудничество с ними при условии надежной защиты своих интересов, интересов своих детей и внуков.

Становление независимой конкурентной экономики, среднего класса, правового общества и социальной стабильности действительно обещает России немалые перспективы. Уже не раз указывалось, что Россия может и должна использовать свое пространственное положение в новой мировой экономической и геополитической ситуации.

Каковы нынешние полюса техноэкономического и политического влияния? Запад, Япония, Китай, Индия, мир ислама, новые «драконы» Юго-Восточной Азии. Что же находится в центре этой структуры? — Россия.

Никто не может умалить величия и значения российской культуры и науки, но если говорить только об «уровне цивилизации на единицу площади», то можно обнаружить, что пространство между мировыми полюсами развития занято Россией — бескрайними лесами (уже, правда, изрядно облысевшими), пустующими или нерадиво используемыми полями и степями.

Но даже на пустыни и океаны люди смотрят не как на препятствия, а как на открытые дороги для торговли. В этом смысле новый подъем России будет связан с открытием новых торговых путей, на пересечении которых всегда расцветали города и цивилизации. Первостепенную важность имеет прокладка новых современных дорог и многопрофильных кабелей для международных коммуникаций, самолетостроение и открытие новых международных аэропортов, дальнейшее развитие морских портов и спутниковой связи.

Россиянам нужно только встать на ноги, обустроить свой быт, обрести уверенность, сделать ставку на свои главные козыри: образование, науку, высокую технологию. Следует сократить наркотическую зависимость от выкачивания и распродажи природного сырья и перестать сетовать на то, что Россию вытеснили с рынков оружия.

Если Россия стала меньше подбрасывать «топлива» в нынешние и будущие кровавые боины, то это надо рассматривать не как проигрыш, а как возможность нравственной свободы в политических решениях. Гуманный образ будущего — открытые границы, культурные коммуникации и торговля.

Может ли Россия стать одним из ведущих полюсов в новой мировой ситуации? Никому не отнять у нее этой возможности. Только это должен быть не военный монстр с нищим, бесправным народом, а открытая страна свободных, высокообразованных и зажиточных граждан, страна с центрами мировой торговли и технологии, привлекающая достижениями культуры и науки, гуманной и миротворческой политикой.

Таковы возможности включения России в третью Мегатенденцию мирового развития — третий путь современной человеческой цивилизации. Эти горизонты открывает перед Россией ее собственный *третий путь*.

Не либертарианский путь безудержной распродажи ресурсов, политико-культурной ассимиляции, превращения в сырьевой придаток Запада, не изоляционистский путь отката к социализму, тоталитаризму, милитаризму и прочим уже пройденным

урокам истории, а путь обеспечения реальной свободы и достоинства каждой личности, правовых гарантий, эффективной конкурентной экономики, гуманистической и экологической смены ориентиров развития, поддержки собственного культурного своеобразия в открытом общении с иными культурами.